

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра русской и зарубежной литературы

Тютчевская традиция в поэзии В. Ф. Ходасевича

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студента 4 курса 411 группы
направления 45.03.01 – Филология
Института филологии и журналистики

Муравьева Дмитрия Владимировича

Научный руководитель
профессор, д.ф.н., доцент _____ И. Ю. Иванюшина
Зав. кафедрой
зав.кафедрой, к.ф.н., доцент _____ Ю.Н. Борисов

Саратов 2022

ВВЕДЕНИЕ

Поэзия Серебряного века – многоаспектное культурное явление, вовравшее в себя опыт всей предшествующей классической литературы, в том числе традицию Ф. Тютчева. Ее теоретическим осмыслением и практическим освоением занимался и В. Ходасевич. Зажатый между символизмом и акмеизмом, он выработал собственный художественный метод, который во многом опирался на принципы культурной преемственности и традиционности. В его стихотворениях можно обнаружить как генетические, так и типологические связи с произведениями русской классики, идеальные, тематические, интертекстуальные отсылки к программным произведениям Г. Державина, А. Пушкина, Е. Боратынского, Ф. Тютчева и др..

На наш взгляд, тютчевская традиция является важным структурным элементом всей поэтической системы В. Ходасевича. Раскрытие специфики ее преломления может способствовать более полному пониманию как частного случая литературной преемственности, так и общих механизмов бытования традиции в рамках живого литературного процесса. С этим связана **актуальность** работы.

Определяя содержание понятия «традиция», мы методологически исходим из работ Ю. Тынянова¹, В. Жирмунского², М. Бахтина³, А. Бушмина⁴, Ю. Лотмана⁵, Н. Белой⁶. Если подвести выводы ученых под общий

¹ Тынянов, Ю. Н. О литературной эволюции / Ю. Н. Тынянов // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 270-281.

² Жирмунский, В. М. Лекция 23. Историко-литературный процесс / В. М. Жирмунский // Жирмунский, В. М. Введение в литературоведение: Курс лекций / В. М. Жирмунский / под ред. З.И. Плавкина, В.В. Жирмунской. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та., 1996. С. 419-439.

³ Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. М. : Худож. лит., 1990. 545 с.

⁴ Бушмин, А. С. Преемственность в развитии литературы / А. С. Бушмин. Л. : Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1978. 223 с.

⁵ Лотман, Ю. М. Память в культурном освещении / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т.1. Таллинн: Александра, 1992. С. 200-202.

⁶ Белая, Н. В. Традиция и новаторство как важнейшие составляющие литературного творчества / Н. В. Белая // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2007. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 2. С. 145-146.

теоретический знаменатель, то можно сказать, что традиция всегда связана с новаторством – это две стороны единого целого, диалектично опирающиеся друг на друга. Именно их сложные взаимоотношения обусловливают динамику развития культуры. При этом культура как явление коллективной памяти имеет свои законы и правила, по которым определённые смыслы становятся вновь актуальны или, напротив, уходят на задний план в конкретный временной промежуток.

Еще при жизни В. Ходасевича современники отмечали тесную связь между его творчеством и поэтической традицией XIX столетия. Об этом писали А. Белый⁷, Г. Струве⁸, В. Набоков⁹. Позже, в последней трети XX века, появились более обширные исследования, посвященные вопросу о характере влияния тютчевской поэтической традиции на формирование идиостиля В. Ходасевича, а именно, работы В. Вейдле¹⁰, С. Бочарова¹¹, Н. Богомолова¹², Ю. Левина¹³. Из наиболее современных стоит отметить работы П. Успенского¹⁴, А. Скворцова¹⁵, А. Чагина¹⁶, Н. Кармишенского¹⁷, С Шакирова¹⁸. Все они, используя различные

⁷ Белый, А. Тяжелая лира и русская лирика / А. Белый // Белый, А. Современные записки. Париж, 1923. № 15. С. 372-383.

⁸ Струве, Г. П. Тихий ад. О поэзии Ходасевича / Г. П. Струве // За Свободу! 1928. № 59. С. 6.

⁹ Набоков, В. В. О Ходасевиче / В. В. Набоков // Набоков, В. В. Строгие суждения. М. : КоЛибри, 2018. С. 269-274.

¹⁰ Вейдле, В. В. Ходасевич издали-вблизи / В. В. Вейдле // Вейдле, В. В. О поэтах и поэзии / В. В. Вейдле. Париж: Ymcia-Press, 1973. С. 34-52.

¹¹ Бочаров, С. Г. «Памятник» Ходасевича / С. Г. Бочаров // Бочаров, С. Г. Сюжеты русской литературы / С. Г. Бочаров. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 415-471.

¹² Богомолов, Н.А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича / Н.А. Богомолов // Вопросы литературы. 1988. № 3. С. 23-61.

¹³ Левин, Ю. И. О поэзии Вл. Ходасевича / Ю. И. Левин // Левин, Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 209-267.

¹⁴ Успенский, П. Ф. Путешествие в литературный Элизиум: «Элегия» В. Ходасевича / П. Ф. Успенский // Новый мир. 2018. № 2. С. 185-195.

¹⁵ Скворцов, А. Э. Об источниках некоторых стихов Владислава Ходасевича / А. Э. Скворцов // Учен. зап. Казан. ун-та. Гуманитарные науки. 2013. № 6. С. 143-153.

¹⁶ Чагин, А. И. Пути традиционализма / А. И. Чагин // Чагин А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М. : Изд-во ИМЛИ РАН, 2008. С. 13-60.

¹⁷ Кармишенский, Н. А. Тютчевская традиция в творчестве В. Ходасевича / Н. А. Кармишенский // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник материалов Междунар. науч. конф. (18–19 апреля 2019 года) / Отв. ред. Н. И. Степыкин. Курск : Изд-во Юго-Зап. гос. ун-та, 2019. С. 139-146.

¹⁸ Шакиров, С. М. Мотив дороги в поэзии Владислава Ходасевича / С. М. Шакиров // Вестник Челябинского гос. ун-та. 1997. № 6. С. 45-52.

исследовательские методы, приходят к выводу о существенном влиянии пушкинской, державинской и тютчевской традиций на становление индивидуально-авторского стиля В. Ходасевича. Однако их наблюдения полностью не исчерпывают интересующего нас аспекта, поскольку, как правило, ограничиваются довольно выборочным материалом, рассматривая отдельные произведения в отрыве от программных текстов обоих авторов.

Предметом нашей работы является тютчевская традиция в поэзии В. Ходасевича. В качестве **объекта** исследования взяты произведения из сборников «Счастливый домик» (1913), «Путем зерна» (1920), «Тяжелая лира» (1923), «Европейская ночь» (1927), поскольку именно в них обнаруживается непосредственная связь с поэзией XIX века, в том числе и с традицией Ф. Тютчева.

Цель работы – комплексное исследование роли тютчевской традиции и специфики ее преломления в поэзии В. Ходасевича.

Задачи:

- определить функцию тютчевской мифологемы души в лирике В. Ходасевича на основании интертекстуальных, генетических и типологических связей;
- выявить эстетико-смысловое значение художественной оппозиции дня и ночи в поэзии обоих авторов, установить сходства и различия;
- исследовать динамику движения жанра лирического фрагмента от Ф. Тютчева к В. Ходасевичу.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, насчитывающего 52 работы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Мифологема души как мировоззренческая константа» рассматривается образ души в лирике Ф. Тютчева и В. Ходасевича. Как следует из работ Л. Пумпянского¹⁹, А. Огнева²⁰ и В. Герье²¹, миропонимание Ф. Тютчева в значительной степени сложилось под влиянием немецкой философии XIX века, в частности под влиянием трансцендентного идеализма Ф. Шеллинга, в котором центральное место занимает представление о «мировой душе», стремящейся к осознанию своего всеединства путем постепенного и всеобъемлющего развития.

В системе мироздания шеллингианского типа отдельная человеческая личность есть часть Абсолюта, той самой тютчевской «Бездны», которая на ранних этапах своего развития не способна в полной мере прийти к метафизической полноте. Целостность ощущается субъектом лишь интуитивно в определенные моменты откровения.

В. Ходасевич, отталкиваясь от тютчевской традиции, наделяет эту мировоззренческую модель новым значением, наполняет ее атмосферой своего времени. Мифологема души у него часто соседствует с мотивами распада, многосубъектности, дисгармоничности и, несмотря на это, с мотивом желанного умиротворения.

Лирический герой произведений В. Ходасевича разделяется на тело, душу и лирическое «Я». Последнее связывает первое со вторым, но не исчерпывает их полностью. Душа воплощает собой наиболее возвышенную, отвлеченную от мирской суэты сторону лирического героя В. Ходасевича, как, например, в

¹⁹ Пумпянский, Л. В. Поэзия Тютчева / Л. В. Пумпянский // Ф. И. Тютчев: pro et contra: антология. 2-е изд. / Сост., вступ., статья и comment. К. Г. Исупова. СПб. : Изд-во РХГА, 2018. С. 434-474.

²⁰ Огнев, А. И. Система трансцендентального идеализма Шеллинга / А. И. Огнев // Фридрих Шеллинг: pro et contra / Сост., вступ. ст. В. Ф. Пустарнакова, примеч. М. А. Ходанович. СПб. : Изд-во РХГА, 2001. С. 546-557.

²¹ Герье, В. И. Философия истории от Августина до Гегеля. Глава VIII. Шеллинг / В. И. Герье // Фридрих Шеллинг: pro et contra / Сост., вступ. ст. В. Ф. Пустарнакова, примеч. М. А. Ходанович. СПб. : Изд-во РХГА, 2001. С. 534-545.

стихотворении «Душа» (1908), где мифологема души соотносима с темой поэтического служения, поэта и толпы.

Мотивы дробности сознания особенно частотны у В. Ходасевича в сборниках «Путем зерна» (1920) и «Тяжелая лира» (1923). Как правило, они соединены с мотивами сна, смерти, духовной тоски и духовного прозрения. Многие стихотворения («В заботах каждого дня», «Сны», «Психея! Бедная моя!» и др.) типологически и композиционно схожи с программными стихотворениями Ф. Тютчева («О вещая душа моя», «Душа моя – Элизиум теней», «Как ни тяжел последний час» и др.) В работе проводится сопоставительный анализ этих текстов, в результате которого делаются следующие выводы.

Мифологема души в лирике В. Ходасевича аккумулирует вокруг себя различные смыслы и ассоциации. С одной стороны, поэт стремится придать ей узнаваемость, наполнить интертекстуальными связями с целью расширения культурного фона, с другой – наделяет свою Психею оригинальными чертами и исключительной автономностью. Она и страшный древний дух, и хрупкое женственное создание.

Однако во всех случаях душа, соприкасаясь с потусторонним, выступает в качестве проводника между двумя мирами – между миром быта и миром поэтического слова. Тютчевская традиция дает лишь исходный материал для построения индивидуально-авторской модели художественного макрокосма как на уровне стиля, так и на уровне идейного содержания.

Во второй главе «Оппозиция дня и ночи в системе художественных образов» рассматривается антитеза дневного и ночного времени суток в лирике Ф. Тютчева и В. Ходасевича. Н. Берковский²² отмечает, что в поэзии Ф. Тютчева есть особая парная антитеза: ночь и день, хаос и космос. Для В. Ходасевича данная оппозиция так же важна, она выступает в роли обобщенной модели универсума. Дневное время суток в стихах В. Ходасевича предстает как сугубо дисгармоничное («День», «Ласточки», «Полдень»), противоположное ночному.

²² Берковский, Н. Я. Ф. И. Тютчев / Н. Я. Берковский // Берковский, Н. Я. О русской литературе. Л. : Худ. лит., 1985. С. 161.

Образ ночи в такой бинарной системе является символом поэтического творчества, выхода за рамки пошлой действительности.

С антитезой дня и ночи тесно связаны образы света и звезд. Свет у В. Ходасевича подобен тонкому покрову, который скрывает тьму от профанного взгляда, но не может скрыть от лирического героя («Ласточки»), что отсылает к тютчевскому «благодатному покрову» дневного неба. Образы горящих звезд являются центральными в поэзии как Ф. Тютчева, так и В. Ходасевича, однако в последнем случае автор подыскивает им семантические антиподы. Например, образ радиоволн использован В. Ходасевичем в качестве метафоры дневного бытия в стихотворении «Встаю расслабленный с постели».

Символические образы ночи и звезд в контексте адаптации тютчевской традиции присутствуют в таких стихотворениях В. Ходасевича, как «Граммофон», «С берлинской улицы» и «Звезды».

В стихотворении «Граммофон» механическое звучание оперы противопоставлено естественному молчанию ночи. «Разъятый мозг» ребенка как символ дисгармоничного сознания человека индустриальной эпохи проникается ужасом от беззвучия развернувшейся перед ним тьмы. Мольбой звучит последний катрен, в котором говорится о бремени и вместе с тем радости созерцания «звездного» хаоса, о единении с неким высшим существом.

Инфернальная картина ночного города представлена в стихотворении «С берлинской улицы». В нем образ Берлина становится мифологично-готескным вместе с образами его обитателей. Под лунным светом людские тени и дома вытягиваются, теряют свои естественные пропорции. Демоническая образность, а также образ электрических разрядов в финале произведения могут восходить к тютчевским «глухонемым демонам» из стихотворения «Ночное небо так угрюмо».

Сборник В. Ходасевича «Европейская ночь» завершается стихотворением «Звезды». В его начале задается пространственная вертикаль, низводящая универсум до публичного дома и грошового казино, в котором проходит концерт непотребныхочных светил. Однако в финале стихотворения

автор возвращает образам звезд их сакральную значимость, закрепляя за ними мотив поэтического откровения. В. Ходасевич напрямую обращается к традиции Ф. Тютчева, перефразируя одну из его программных строк: «Твой мир, горящий звёздной славой»²³ – «Небесный свод, горящий славой звездной»²⁴.

Таким образом, оппозиция дня и ночи в художественной системе В. Ходасевича представлена несколько иначе, чем в системе Ф. Тютчева. В тютчевской лирике ночь является средоточием хаоса, рока, но вместе с тем и величия. Для лирического героя В. Ходасевича ночь – страшная, но органичная стихия, побуждающая страдать и мыслить. Хаотичен день, который сковывает творческие порывы.

В третьей главе «Жанр лирического фрагмента как смысловая единица» рассматривается литературная преемственность с точки зрения жанровой специфики. Ю. Тынянов²⁵ выделяет несколько основных черт тютчевского фрагмента. Во-первых, лирический фрагмент компактен и семантически обобщен. Во-вторых, он узаконивает маргинальные жанры – записи, отрывка и т.д., что делает его свободным и универсальным. В-третьих, лирический фрагмент имеет завершенность и четкую композицию. В-четвертых, лирический фрагмент допускает смешение лексических единиц разных стилей.

В. Ходасевич перенимает и модернизирует все упомянутые выше жанровые особенности. В его стихотворении «Путем зерна» композиция трехчастна и представляет собой развернутую многоступенчатую метафору. Образы сеятеля и зерна являются первым звеном в цепочке последовательных сравнений. В качестве семантической параллели автор вводит мифологему души, сходящей в глубины тартара и возвращающейся оттуда качественно

²³ Ходасевич, В.Ф. Звезды / В.Ф. Ходасевич // Ходасевич, В.Ф. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. М. : Согласие, 1996. С. 295.

²⁴ Тютчев, Ф. И. Как океан объемлет шар земной / Ф. И. Тютчев // Тютчев, Ф. И. Полн. собр. соч. и письма В 6 т. Т. 1. М. : Классика, 2002. С. 110.

²⁵ Тынянов, Ю. Н. Вопрос о Тютчеве / Ю. Н. Тынянов // Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 38-51.

обновленной. Две композиционные части соотнесены с третьей, приуроченной к внелитературному факту – октябрьскому перевороту 1917 года. Последнее двустишие соединяет композиционные части, венчая параллелизм философским афоризмом о цикличности всего сущего. Происходит слияние литературной претекстовости (бibleйский сюжет) с внелитературным контекстом (конкретное историческое событие).

Как отмечает Ю. Тынянов²⁶, для Ф. Тютчева характерно употребление в начале первой строфы стихотворения союзов «и» и «как», что отвечает потребности сжатого выражения ассоциативно возникающих чувств и мыслей. Эту особенность мы видим в стихотворении В. Ходасевича «И весло, и тяжело», где открытость стихового здания выполняет ту же функцию.

Еще одним примером продолжения жанрово-тематической традиции является стихотворение В. Ф. Ходасевича «Ручей». С точки зрения композиционного построения, строфика и риторических оборотов, оно в восходит к тютчевским претекстам. Как и в пейзажной лирике Ф. И. Тютчева, каждый природный объект в нем олицетворён, наделен субъектностью и динамикой. Все самостоятельно и одновременно едино.

Одной из важнейших черт тютчевского фрагмента является его кажущаяся спонтанность, совмещенная с полнотой и конкретностью эстетического переживания. Примером имитирования подобного «литературного дилетантизма» может служить стихотворение В. Ходасевича «Перешагни, перескочи». Структурно оно представляет собой, по выражению Ю. Тынянова, «стихотворную записку»²⁷. В. Ходасевич наглядно показывает внезапность и непредсказуемость творческого акта, приоткрывая секреты своей поэтической мастерской, а именно – нерасторжимость жизни и поэзии.

²⁶ Тынянов, Ю. Н. Вопрос о Тютчеве / Ю. Н. Тынянов // Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 46.

²⁷ Тынянов, Ю. Н. Промежуток / Ю. Н. Тынянов // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 173.

Таким образом, жанр лирического фрагмента играет в лирике В. Ходасевича важную формообразующую роль. Поэт использует его для раскрытия символистского постулата – живи, как пишешь, и пиши, как живешь. В этой связи поэтические приемы, открытые Ф. Тютчевым, оказываются наиболее подходящими для реализации поставленной художественной метазадачи. Но В. Ходасевич идет дальше: он доводит гибкость, лаконичность и естественность тютчевского лирического фрагмента до возможного предела, не уменьшая при этом его смысловую содержательность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав художественную структуру стихотворений В. Ходасевича, мы пришли к выводу, что поэт наследует тютчевскую традицию на мотивном, образном и жанровом уровнях.

Образ души, символизирующий у Ф. Тютчева единство человека со вселенной, противоречивую сущность внутренних переживаний лирического героя, а также его способность к глубокой саморефлексии, у В. Ходасевича становится символом поэтических сил и духовного совершенства. «Душа» В. Ходасевича олицетворена и возвышена. Она то страшный древний дух-певец, то пугливое ночное создание, но в обоих случаях ее роль заключается в том, чтобы быть прочным звеном, соединяющим мир быта с миром поэтического слова.

Общим элементом в образных системах рассмотренных нами авторов является антитеза, связанная с дневным и ночным временем суток. В тютчевской лирике ночь амбивалентна. С одной стороны, лирический герой Ф. Тютчева способен в особые минуты «глубокого сумрака» слышать звон «воздушной арфы», испытывая при этом мистическую радость, но с другой, он ощущает страх и благоговейный трепет перед внезапно распахнувшейся над его головой «звездной бездной», которую скрывает от посторонних и неподготовленных глаз спасительный лазурный покров дневного неба.

В. Ходасевич перенимает эту пространственно-временную модель, но вносит в нее значительные корректизы. День в его стихах предстает как сугубо дисгармоничное начало, противоположное ночному миру творческих грез. С

образом ночи В. Ходасевич тесно связывает образы звезд, которые символизируют в его художественной системе стихию чистой поэзии, облагораживающую пошлую ткань дневной действительности.

Перенимает В. Ходасевич и жанр тютчевского лирического фрагмента, который играет в его лирике важную роль в силу своих характерных особенностей. Мы видим, как усвоенные В. Ходасевичем идеальные и формальные элементы классической традиции находят актуальное воплощение. Поэт использует их для того, чтобы реализовать свой главный эстетико-философский принцип – слить воедино биографическую и творческую жизни.

Таким образом, тютчевская традиция видоизменяется под влиянием современных В. Ходасевичу культурно-исторических тенденций. Начав путь в русле позднего символизма и сохранив на всех этапах своего творчества генетическую связь с одним из предшественников и вдохновителей этого влиятельнейшего течения, В. Ходасевич сформировал собственную поэтическую систему, способную выражать новые смыслы. Основная функция тютчевской традиции в поэзии В. Ходасевича – выстраивание культурной преемственности, создание узнаваемой лирической тональности, на которую накладываются образность и мелодика нового времени. Образность и мелодика эпохи модерна.